

Павел Рыков

A rustic wooden cabin with a corrugated metal roof is situated in a field of tall grass. The cabin has a gabled roof and several windows. The scene is set against a clear blue sky with some light clouds. In the background, another similar structure is visible. The overall atmosphere is peaceful and rural.

Я О РОДИНЕ
ПЛАЧУ

Павел Рыков

Я О РОДИНЕ ПЛАЧУ

Москва
«Вест-Консалтинг»
2018

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Р94

Рыков П.
Р94 **Я О РОДИНЕ ПЛАЧУ.** Стихи —
М.: «Вест-Консалтинг», 2018 — 68 с.

ISBN 978-5-91865-499-6

ОБЕЗЛЮДИВАНИЕ — таким нечеловеческим словом можно обозначить происходившее да и происходящее на русской земле в последние два десятилетия. Где-то возбужали, словно пузыри на болоте, островки лихорадочного благополучия. А где-то Россия смотрит на мир слепыми окнами покинутых деревень и малых городов.

Сможем ли мы преодолеть разорение? Об этом печалуется автор книги.

*В оформлении обложки использованы материалы
сайта бесплатных изображений pixabay.com*

© Рыков П., 2018
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2018

Я О РОДИНЕ ПЛАЧУ

*«Кто живёт без печали и гнева
Тот не любит отчизны своей...»
Н. А. Некрасов*

Я о Родине плачу, но что ей мои причитанья;
Голос глух и прерывист; Шагни — и уже не слышать.
Только чую я, как затухает живое дыханье
В сёлах малых, где землю теперь перестали пахать.

Как вопят о победах!

Пуститься ли что ли вприпрыжку?
Да запеть во весь голос?

Да флагом партийным махать?
Но, где рожь колосилась, бурьян,
как тюремная стрижка.
А на кладбище тризну справляет воронья рать.

Мне пеняют, что лес не увидел я из-за деревьев,
Что излишнюю волю даю я обидным словам.
Но, взгляни, как в оффшорном тумане
сокрылась деревня.
Стометровую яхтой к Виргинским плывёт
островам.

А утром
    рельсы уткнутся в пригорок.
И это — конечная.
    Дальше рельсы просто не к кому класть.
Здесь только старики
    да начальник-ворог,
Словно колодезный ворот,
    наматывает на себя,
    как цепь, крепкую власть.
Присаживайтесь! Тут пир горой
    да беседы за жизнь,
Да огурчики,
    да шанежки,
    да грибочки,
Да рюмочка,
    да колченогонья — пей, не тужи!
Да Степан Егорыч с трехрядкой —
    для вас,
    дражайшие гостечечки!
И в русском (пока еще) доме —
    только держись:
«Гармонь моя! Гарманочки!
    Золоченые да уголочки!»
Да только немощен голос;
    Не достигает и до огородной межи.

ГДЕ...

Босиком, да по стерне —
По колючей стороне...

Где людей накошено —
Гнить во поле брошено.

Где за слово бьёт в упор,
Наострив заточку, вор.

Где за всё — один ответ —
Бьют, чтоб корчился от бед.

Где целуются взасос
Дверь и кованый засов.

Где напрасно милость ждёшь,
Ежели за власть не пьёшь.

Где во сто мохнатых ног
Скачет Гог, за ним — Магог.

.....

Где искать спасенье нам,
Если оскверняем храм?

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ МЕЛОДИЯ

У привокзального буфета,
Где всяк заезжий сыт да пьян,
С утра до ночи в это лето
Рвет воздух надвое баян.

А баянист — он знает дело!
По мелочам не мельтешит.
Играет не за ради тела,
А для спасения души.

Он голову к баяну склонит,
Вразмах рукою поведёт.
А то — сожмет баян в ладонях,
Как будто женщину берёт.

Он кнопки пальцами ласкает,
Он нежен, зная наперёд,
Что музыка то зарыдает,
То засмеется, то замрёт,

То вдруг задышит часто, жарко
Да так, что жара не унять.
И ничего тогда не жалко
За эту музыку отдать.

А баянист махнет рукою:
— Да что вы, братцы! Это ль труд!
Сейчас бы водочки — не скрою!
Да передышку в пять минут.

А то, что в кепку налетело,
Ту, что у ног моих лежит,
Так это, братцы, не для тела,
А для спасения души.

А для души отказа нету —
Все остальное ни к чему!
И посылают из буфета
В награду стопочку ему.

И пусть кудлат он и похмелен
И бестолково говорлив —
Не будет Господом затерян
Его залиvistый мотив.

И там, в нездешнем измереньи,
Где музыкой пронизан свет,
Ему даровано прощенье
И избавление от бед

За то, что он играл, старался,
За то, что во хмелю чудил.
Что он души людской касался
И хоть на миг её будил.

ДИТЯ ВОЙНЫ

Копеечку у хлебной лавки —
Одно названье, что рубли —
Тут не досыта, не до ласки
И уж, теми паче, до любви.

За хлебушком пришла старуха:
— Ты половиночку отрежь!
Стара, стоглаза и стоуха.
Нас, умных, знает всё допреж:

Жизнь — это долгое жеванье —
Беззубым ртом не прожужьешь.
В прекрасный возраст доживанья
Не торопись, сынок, войдешь.

Сама срок жизни отмотала.
Как есть, как выпало, сполна.
Бельё солдатское стирала
От крови, гноя и говна.

С недетской силою ручонки
Стирали, руки сбивши в кровь.
— Быстрей, быстрей, быстрей, девчонки.
Стирай же, и не прекословь!

Вода хлестала из колонки
На госпитальных на задах.
Откуда брались те силёнки?
Откуда слёзы на глазах?

Купив полбулочки, полбулки,
Идёт, надеясь на клюку,
В квартиру в старом переулке.
Ей много ль надо! Старику

Уже не надо. Он отчёты
За жизнь свою пред Богом сдал.
И Ангел Грамотой Почётной
Его средь Рая награждал.

Она всю жизнь жила надеждой.
Что, вот, закончится война...
Закончилась. Но, по-медвежьи
Заботится о ней страна.

Пошли ей, Боже, смерть не люту.
Коль виновата в чём — прости.
А если примешь в Рай, валюту
Ей чрез таможду не нести.

ДОСКА КОЛХОЗНОГО ПОЧЁТА

Доска колхозного Почёта;
За что? Кому? Не разберёшь...
Для славы или для отчёта,
Что бык силён и спеет рожь,

Что крах далёк, а жизнь всё краше,
И коммунизм не за горой,
И кто без остановки пашет.
Тот, без сомнения, герой.

Фотограф незамысловато
Изысками не утомлял
И объектив подслеповатый
В лицо героям наставлял.

Один на всех дежурный галстук,
Один на всех пред съёмкой страх.
Щелчок — и вспышка пыхнет страстно,
И блеск заплещется в глазах.

Парторг восторгом полнит речи,
Потом вино и закусон...
Где это всё? Увы, далече.
Как позабытый напрочь сон.

Портреты выцвели донельзя,
Лица уже не разберёшь.
Что силы по доске облезлой
Лупцует оголтелый дождь.

Там, где была отрада глазу,
Где днями мерили труды,
Одни скелеты скотобазы
И не туды, и не сюды.

Но люди эти были, были...
Гармошка заводила речь
Про то, как Родину любили
И как смогли её сберечь.

Как, надрываясь и тоскуя,
Взамен пропавших мужиков
Везли и вывезли родную,
Стесавши плоть до мослаков.

Но это — прошлые затеи,
И что об этом поминать!
Иные нынче богатеи:
Купить, продать, украсть, урвать.

И только старенький учитель —
Музейных ценностей знаток
Всё пальчиком грозит: «Учите,
Учите, неучи, урок»

Жизнь, как волна, сперва накатит,
Но следом пятится назад.
И каждому в той жизни хватит
И осуждений, и наград.

Но только Время всех расставит
По отведённым нам углам».
Он пальцами сухими гладит
Ушедшей жизни ветхий хлам.

А за окном ликует ветер
И дождь с утра всё льёт да льёт.
В лицо на выцветшем портрете
Плюёт, плюёт, плюёт, плюёт.

ДРОВА

Ходят немцы по дворам,
Ходят фрицы по дрова.
Ходят с пилами звенящими.
Разведёнными, блестящими.
Сподручными-двуручными,
А колуны,
У них тяжелы, как валуны
Ходят гансы настоящие
Смиренные, работающие,
Только малость бледные
Сверхчеловеки пленные:
— Троффа колоть кому?
Das ist...* Что спрашивают — не пойму,
Потому, как немецкому не обучены,
Что, может, и к лучшему...

А у соседки, у Марьпетровны
Сгинул муж в сорок первом под Ровно.
А у бабы Паны
Оба сына под Вязьмою пали.
А у морпеха Игнатыча
Нет половины лица
И рука правая — начисто.
А на левой — только два пальца-удальца,
Зато, по-мужицки, без приседа может поссать
Распротудыт твою мать!

---

* Есть (нем).

А к зиме, хошь — не хошь, потребны дрова.
Потому, что холода вступают в свои права.
Потому, что когда завьюжит да заметелит,
Холод хоть кого отметелит,
А при случае и отпоёт.
Вот!
Но теперь появляются шансы:
Пленные эти гансы
За деньги, и какой-никакой приварок
Пилят брёвна и труд их жарок
Впрочем, немцы себя берегут.
Sehr gut.*
Работают не торопясь, но споро,
Без перекуров. И скоро.
Сразившись с дровами, но вполне
Бескровно,
(Чать, не на войне),
В сарае у Марьпетровны
Ладком
Поленья уложат рядком,
И благоухает в сарае разделанною берёзой.
Wunderbar!** Но, вдовьи горючие слёзы
Застят ей взор.
Немцы, получив расчёт, уже покинули двор.
А следом за ними неминуемо уходит и лето
Стало быть, канут в Лету золотые деньки...

---

* Хорошо (нем).

** Великолепно (нем).

Минует время: и там, где были пеньки,
Задышит лес и окопы затянет землёй,
И остынет в печи зола,
И станут золою слова,
С ними, как с винтовками наперевес, шли на бой.
Так остывают после жатвы поля,
Так каменеет подмороженная колея,
Так ночные туманы становятся инеем...
А немцев скоро отпустят из плена домой
Строить в Германии рай земной,
Под красным знаменем и марксовым именем.

А Марьпетровна
И дворня,
Что смотрели на них, как в зверинце глядят на зверей
Постараются немцев забыть поскорей.
И мои воспоминанья,
как в год тысяча девятьсот сорок восьмой
Немцы расположившись середь двора,
Пластали берёзовые дрова,
Канут в Лету вместе со мной.
Нам же только день проживаемый дорог.
И потому — alles ist in ordnung.*

Лишь под Ровно
Василий — Марьпетровны
Безвестно пропавший супруг —
Вечный молчальник,
Вдавленный танковой гусеницей в раскисшую колею.

---

* Всё в порядке (нем).

В смертном сне своём вскинется вдруг:

— А меня-то вы помните?

Пропавшую жизнь молодую мою
Христа ради, вспоминайте — я вас молю!
Вскинется... И возвратится назад к однополчанам
В их посмертный,
так и недосчитанный Родиной круг.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ГОРОДА

(Скоморошина)

Петровна — соседка преставилась.
Тихохонько убралась,
Будто чаю испив, мыть принялась
Чашку. А на заводе она прославилась,
Слыла ударницей и побеждала,
И фотография ейная украшала
Стенд, где Петровнин портрет
Свидетельствовал: много побед
В соцсоревновании она одержала.
На таких, между прочим, держалась Держава.

В праздники, случалось, пила;
Рюмочку казённой пригубливала,
Килечкою приголубливала.
Но тех, кто меры не знал, недолюбливала.
А к чаю у неё завсегда пастила.

Всё ей мечталось
Правнуков пестовать. Но,
Не это ей суждено.
По-современному говоря, в рынок она
не вписалась.

Слушала, как по телевизору сепетят:
— Рынок-рынок.. Да, не сказывали, что хотят
Говорливые молодые ребята.
А сама недогадлива, знать, Петровна была...

А тут такие дела;
Социализм приказано именовать проклятым
Остановили завод. И зарплату
Перестали платить. И растребушили
Всё, чем заводские утешались и жили,
Даже распоследнюю малость,
Которая даже и не видна...
Значит, дорога тебе одна —
Помирай — и в Земельные Города,
Коли в рынок ты не вписалась.

А в Городах Земельных — беда!
Новоприбывших — и не сочтёшь!
И норовят — земляца чтобы посуше.
Вот бестолковые души!
Не понимают нынешнее житьё да бытьё.
Гдѣ краше, упокоивается бандитьё.
Против их лютости не попрѣшь.
Они — ребятишечки ушлые.
Торкнулась Петровна туда и сюда;
Велики Земельные Города,
Где бы ей притулиться! Места, какие остались?
Боже ж ты мой! Сколькие не вписались!
Тут — деревенские, а тут заводские,
Ярославские и псковские,
Вологодские и волжане
Ельцинские земляки, калужане.
Красноярские — всё отборный народ,
Мастеровитый да работающий,
Сильно не пьющий и анашой не дымящий.

Да и туляки —
Совсем не гулеваны и не дураки.
А вот — образованные косяками попались.
Шобутной, несговорный народ.
Норовят поперёк, действуют наоборот
Думали, пошумят и счастье само собою грядёт...
Только и они — не вписались.

А дальше лежат те, что с чеченской войны;
Молодые ребята — они бы нужны
Девочек-свиристелочек обхаживать,
Животы им намявши, ласкать да поглаживать.
Каждый бы целовался да миловался!!!
А их вагонами на опознание везли...
Непогребёнными не оставили... В России земли
Досталось всем, кто не вписался!

А те, кто у Петровны отхряпал завод?
К тем индивидуальный подход!
Понимаете, бестолочи, индивиду-дуальный!
Многоканальный, интегральный, самоигральный,
Интерактивный, и чуть-чуть виртуальный.
А там, где надо.
Может, даже и Нано!
И, если нельзя у Кремлёвской стены,
Где Вождь распростёр
Усы от Кавказа до Ленинских гор
Где основоположники погребены,
Чей покой стерегут топтуны —
Тех уважат у Новодевичьего монастыря,
Чтобы знали, что жизнь прожита не зря,

И не напрасно старался
Тот, кто жизнь вместе с заводом у людей отобрал
И Петровну в отстойные списки вписал.
А сам, куда надо, успешно вписался...

А Петровна? Она женщина скромная.
Всю жизнь прожила свою без скромного.
Тем более обойдётся, когда померла.
Такие дела!

ИЗГОЙ

Смердящее, гнойное слово.
Изранит зазубриной злой.
Впивается снова, и снова:
Изгой. Я — изгой! Ты — изгой!

Изгой! Я презреньем отмечен
Моё назначенье — компост.
И мне ль сокрушаться о вечном:
При свете полуночных звёзд,

Как Бомж, наклонившись над баком
Над мусорным, рою до дна;
А вдруг, откопаю я атом
Заветный средь кучи дерьма.

Средь мусора телесобытий
Известий о том — и о сём,
Прибытий-убытий-забытий
Куда-в никуда, ни о чём.

А некто с заоблачной выси.
Войдя в управленческий раж,
Скомандует: — Фас! Разберитесь!
Убрать, чтоб не портил пейзаж.

За что? Ни за то! Ни за это!
Сметут вместе с мелкой лузгой...
— И бросьте вы про человека.
Да это же сволочь, изгой!

Расплющенный прессом инфляций,
Побитый кувалдой проблем,
Я планами приватизаций
И не предусмотрен совсем.

Да я и не требую хлеба
И зрелищ. Мне Воля мила.
И небо! И русское небо!
И чтобы сирень зацвела!

Жирует кубло воровское
Насилье творят и разбой...
Как орден, клеймо роковое
Ношу я. Смотрите — Изгой.

НА СЫРТЕ*

На исхлѣстанной ветром вершине Сырта,
Там, где только бурьян выживает,
Было дело, легла роковая черта;
Здесь землёю окоп заплывает.

Сотня лет пролетела. Окоп ещё жив.
Чуть лопатой подправишь — и снова
Вот он — сектор обстрела. Дорога бежит,
Для идущих под пули, готова.

Досылает затвор девять граммов свинца,
В медный капсюль боёк ударяет...
У Гражданской войны не бывает конца.
Брата брат всё ещё убивает.

Убивает за что? За желание жить!
А за это не жалко патрона.
Выстрел хрястнул и брат твой упал и лежит.
Или мёртвый скатился по склону.

Где привольная жизнь для рабочих-крестьян?
Только стали нарядней оковы!
А ветра на сыртах засевают бурьян,
Что возрос на крови у окопа.

---

* Сырты — холмистый водораздел между Уралом и Волгой.

* * *

Не монолит: отонки да обмылки,
Обмолвки да обломки — пустяки...
О, Господи! Устал я от ухмылки,
Косого взгляда, спрятанной руки.

Чего мы жмемся? Почему не вместе?
Какой Батый бабаит над страной?
Как в снайперском, прицельном перекрестье
И ты, и я, и он, и дом родной.

И ты, и я...Ну, что ж? Давай потужим.
Туга не смерть. Она должна пройти.
Но если ты своей стране не нужен,
Зачем мечтать о цели впереди.

Зачем строгать и возводить стропила
Над домом, где гуляют сквозняки
И день, и ночь. Где окаянной силой
Напитаны засовы и замки.

Зачем, зачем ты с нами так жестока?
Скажи скорей: в чём каждый виноват!
Но Русь не слышит нашего упрека,
К небесной выси устремляя взгляд.

* * *

Лидие Григорьевой

Мы жили у черты, у роковой. Ни к чёрту
Та жизнь была у крови на краю.
Команда: «Шагом марш» всегда звучала чётко.
Привычно, как слова: «Убить. Убьём. Убьют».

Взлетали «ястребки», месили глину танки,
И атомным огнём жёг Тоцкий полигон
А старший брат меня учил мотать портянки,
Когда враги на нас идут со всех сторон.

И военрук кричал: «Ложитесь! Вспышка справа!
Накройся простынёй! Иначе вам конец!»
Так, корчась от натуг, спасала нас Держава...
Но, помня о войне, стонал во сне отец.

КИЕВ
13.03.14

Не поигрывая словами
И, вроде бы, не помышляя об этом, но
Злыдни ликуют, коли славяне
Друг на друга идут стеной.

Дрекольем ли, автоматной ли строчкой,
Как угодно, лишь бы, бить до кровищи...
Эка невидаль — Варфоломеевская ночка,
Тут в Киеве наикромешнейшая кровища!

Визги, аплодисменты со всех сторон.
Виски — рекой! Как же: из распотех потеха.
И музыкой сладчайшей — колокольный звон
Набатный. Таки это ли не повод для смеха?!

Господи! Господи! Ужели смерть?
Кони половецкие за холмом тренькают удилами...
Ярославна в Путивле молит взлететь,
Взмахнувши бебряными рукавами.

* * *

Опять они плетения плетут,
Сучат паучью нить,
Чтоб всех и вся запутать, заплутать,
Заврать, замазать, замутить, захомутать
Меняя, ничего не изменить.

О, как они умеют гомонить,
Манить, сладчайших обещаний подпустить,
Что вот чуть-чуть: мы будем есть и пить
Амброзию с нектаром, Вечно жить,
Но чуточку нам надо потерпеть,
Надежды не терять и не робеть
До выборов. А там — случится чудо
Оно придёт неведомо откуда.
Чтоб нас волною с головой накрыть...
Вот так они плетение плетут.
Великие умельцы! Славный труд!

А между тем, в далёком далеке,
В посёлочке, чьё имя очевидно,
В простой семье, живущей в тупике,
Мальчоночка. Он мал ещё — обидно!
Но в скором времени мальчишка подрастёт.
И если на иглу он сам не сядет,
Тихонечко нас спросит мальчик: «Дяди!
А где страна и где её народ?»

И исподлобья зверовато глядя,
Вдруг пугачёвскою ухмылкой полыхнёт.

РАЗГОВОР СО ВСТРЕЧНЫМ

— Куда дорога, брат?
— А в никуда.
— Как в никуда? Ополоумел что ли!
Там мост стоял...
— Теперь бежит вода.
А дальше сплошь непаханое поле.
— Но Божий храм? Но старое село?
Иконы намолённые... А школа?
— Упразднена. Детей неросло.
— Рожать тут бабы разучились что ли?
— А где ты видел баб? Где мужики,
Что до подола бабьего охочи?
Ты помнишь раньше: поле, огоньки,
А ныне непроглядны стали ночи.
Ах, милый, милый! Русское село
Сдано на откуп ветру да бурьяну.
Вот почему детей неросло,
Вот почему в угаре полупьяном
Куражась, кочевряжась да бранясь
Всё прогуляли, всё пустили дымом...
На грейдере под ветром стынет грязь.
— Как жить, скажи.! Как жить в краю родимом?

Ответ искать? Но как его найти,
Когда тут ни проехать, ни пройти!

У СТАРОГО ОКОПА

Эх, гуляли! Как гуляли!
Любо-дорого гулять!
Не считая пуль, пуляли.
А в кого? Да надо ль знать...

Не беда, что в чистом поле
Ни синь пороха, ни зги!
Смерть не ведает ли что ли,
Где друзья, а где враги?

Не беда, что криво метит,
Не того в бою найдёт...
Памятник из чистой меди
Скульптор мёртвым отольёт.

А пока горнист горюет
И рокочет барабан,
Снова кто-нибудь воюет,
Бьёт наотмашь басурман.

А они не басурмане,
Не злодеи, не враги.
Навсего-всего, крестьяне,
Нашенские мужики.

Им сказали-приказали,
Обещали накормить.
А за что война — едва ли
Догадались объяснить

И, не зная останова,
Прёт вперёд за ратью рать,
Чтобы заново и снова
Грызть, кромсать, крошить да рвать.

Солнце жжёт, метель гуляет.
Минул год, другой настал.
Только чёрный ворон знает.
Где он мне глаза клевал.

ЧИТАЯ ЕККЛЕСИАСТА

Мудрое сердце там, где даже нет сил для рыдания.
С грейдера на просёлок сворачивай, брат, да не трусь.
Это — всего лишь заросший погост.

Привыкай к умирающему;
К Богу восходит крестьянская, вечная Русь.

Три старушонки — вдовицы,
да ухажёр их — дедочек беззубый.
Синий ящик почтовый, прибит кое-как
для порядка к стене.
Только кому и о чём здесь поведать,
коли множится убыль.
Не рассылают о деревнях похоронки —
это же не на войне.

Школа была. Но потом, экономии денежной ради,
Школу навечно закрыли, навесив амбарный замок.
А экономный чиновник представлен
к высокой награде,
Он же из кожи весь вылез.
Он же бюджету ужасно помог.

И запылил по просёлку народ, покидая могилы
Дедов и прадедов, с ног отрясая
веками засеянный прах
Родины малой. Пусть малой,
но родины издревле милой.
Где родовые иконы таятся по-прежнему
в красных углах.

* * *

Словно гроза среди ясного дня...
В шуме и гаме на рыночной площади,
В небо взглянул. И сразила меня,
Сила небесная: — Господи! Господи!

Истины ждал от шутов площадных,
У чародеев искал вдохновения...
Чудо небес надо мной голубых..!
Вот они: Истина и Откровение!

Этот небесный простор неспроста
В песню словами заветными просится.
Русских, родимых небес высота
Словно молитва над нами возносится.

.....

Боже! Пока я на свете живу,
Не отнимай тех небес синеву.

* * *

Что ты в голос клянёшь бездорожье?
Чем прелестней иные пути?
По просёлку меж паром и рожью
Так легко и привольно идти.

Справа рожь наливается силой,
Слева — пашня атласно черна.
И берёза — молитва России
Над пригорком вознесена.

Дальше — путь закружится, завертит.
Понесёт — только шапку держи.
Но с тобой, да пребудет до смерти
Эта тропка вдоль спеющей ржи.

РУСЬ

Русь, чуешь эту чушь,
Что разнесли по свету:
Мол, мы уже не те и ты — не та,
Что безъязыкие твои колокола,
Что ни двора, и ни кола,
Но только тишь и глушь,
Да на погосте отчем крест согбенный
И в пояс — дикая трава...

Сколь тяжелы свинцовые слова.
Они, как по затылку булава,
Ударят на пролом — и голова
Расколется. Но только сокровенной
Говорунам не дадено понять
Молитвы русской: «Пресвятая Мать,
Помилуй и прости все наши прегрешенья
И помоги, Благая, одолеть.
Ту, что, страшая, называют «Смерть»
И Сына умоли о Воскрешеньи».

И Матерь Божья слышит нас
И покаянный наш канон.
И снова Русь свой возвышает глас,
И радостен пасхальный перезвон.

СТАРУХА

Пока покоряет пространство
В космической выси пилот,
Его деревенская бабка
Земные поклоны кладёт.

Она поднялась спозаранку,
Она напоила телка.
И в погреб спустила ведёрко
Надоенного молока.

Потом повязала платочек
С такую неброской каймой
И в Храм побрела, что пригорок
Венчает своюю главой.

Поставила свечку Николе,
Крестясь, целовала оклад,
Молилась светло и спокойно
На давний, заученный лад:

За тех, кто в пути, кто недужен,
Кто жив, за ушедших навек,
За грешных... Увы небезгрешен
Пред Господом всяк человек.

Но знает она несомненно,
Кладя за поклоном поклон,
Что каждое тихое слово
Внимательно слушает Он.

И где-то в надмирном чертоге
Скрепленную верою речь
Услышат. И это поможет
Любимого внука сберечь.

А внук расщепляет пространство,
Стараясь познать до конца,
Что ведомо старой крестьянке,
Что Бог посылает в сердца.

* * *

Во предзимье на полях
Запрядают тонкопряха
Белый иней на ветвях,
Как во смертный час рубаха.

Не шелОхнется ветла.
Зачарован сном терновник.
Ель стоит белым-бела.
Лишь у трёх дубков шиповник

Льёт свой свет сквозь кисею
Дерзновенным красным цветом.
И являет ярь свою,
Уверяя: будет лето.

Будет! Будет вопреки
Зазимкам да снегопадам.
Полынью середь реки
Льдом скуёт... А всё же надо

Верить смыслу этих слов,
Дерзкой правде красных ягод:
Как ни тяжек хлад оков,
Надо жить. И верить надо.

* * *

Мука крестьянского помола,
Ядрёны дрожжи на хмелю...
Я голову склоняю долу,
И хлебу говорю: «Люблю».

Он испечён был в печке русской,
Но прежде вынянчен рукой.
Сияя корочкою хрусткой,
Такой живой, такой родной.

Хлеб выпекался впрок, с заделом.
На всю неделю тот задел.
Но взрез был ноздреватым, белым
И не крошился, не черствел.

Пекли его не для барыги —
Но из холстинки чтоб достать,
И, ко груди прижав ковригу,
Ломоть душистый отпластать.

Эх, милота — обеды в поле:
Щерба густа и горяча...
Зовёт снестать кухарка Поля
В рубахе цвета кумача.

Брезент на травке раскатала,
Взвар по стаканам разлила...
А что? Для счастья разве мало.
Коль хлеба вволю припасла!

Но памятны лихие годы,
Не видел кто — тот, видно, слеп
Шли комиссары. И подвододы
Везли в уезд на ссыпку хлеб.

А измождённые старухи,
Смоловши сор на жерновах,
Мальцов кормили затирухой,
Чтоб род крестьянский не зачах...

Теперь такого нет в помине.
Кричи, а впрочем, не кричи...
В село везут теперь в машине
Фабричной марки кирпичи.

Как близнецы они похожи.
Вкус — не берусь я описать.
В них синтетические дрожжи —
Сильна химическая статья!

О чём грустить? Сейчас не голод!
Но в памяти жива пока
Мука крестьянского помола,
Всех нас вскормившая мука.

* * *

Нам чужая не пристала слава.
Честь у предков не возьмёшь взаимы.
Но зачем в стране не стало слада.
Мы у них, мой друг, спросить должны.

Спросим же с молитвенным поклоном:
Кто рассёк божественную нить?
Только ль plombированным вагоном
Всё, что случилось, можно объяснить?

Коли всё так просто и уныло,
То беда тогда со всех сторон ...
Если, нет — зачем с такою силой
Ищем «пломбированный» вагон?

Чтобы часовых опять на вышку?
А народ — загнать в один барак?
Чтоб не прошмыгнула даже мышка
Мимо насобаченых собак.

Вроде бы опять живём с крестами,
Густ, как никогда, кадьниц дым...
Бога мы бояться перестали!
И в Святое верить не хотим!

— Здесь! Сейчас! Подать в одно мгновенье!
Тут, как тут — и никаких иных...
Предки! Ниспошлите откровенье!
Света луч для сырых да слепых!

Чтоб глухие слышали молитвы,
Жаждающие — пусть глотнут воды.
Тем, кто выжил после долгой битвы,
Мирный сон. Голодному — еды.

Чтоб пред другом настежь были двери,
Чтобы с братом нам по-братски жить.
Чтобы вновь мы научились верить.
И питать надежду, и любить.

ПОБИРУШКА

Ужели христианка
Старуха-оборванка:
Грязнуля, нищевродка,
Полпьяная уродка,
Что у ворот церковных
На камушке сидит?
Ужели Бог не знает,
Что деньги собирает
Никчёмная старуха
Себе на «бормотуху»,
А не для дел духовных
И от неё смердит?

И чистоплюй спешащий,
С презрением глядящий,
Он в голос чертыхнётся:
— Когда она загнётся,
А с ней и церковь вместе
Навечно? Вот вопрос!
В ответ вздохнёт Всевышний:
— Всяк человек не лишний...

А Божие Созданье
И Центр мирозданья
Вослед клянущих крестит:
— Спаси тебя, Христос!

АХ, ТЫ СТЕПЬ МОЯ...

Ах, ты степь моя, моя матушка!
Степь родимая Оренбургская.
Степь былинная, степь обильная,
Степь раздольная, воля вольная.

От Уральских гор широко легла.
Вдоль Урал-реки пораскинулась.
Не охватит взор ковыли твои,
Ковыли твои всё шелкОвые.

В небе славят тебя жаворОночки,
Колокольцами заливаются.
Как невеста ты изукрашена,
Расцвела по весне тюльпанами.

Не измерить ширь золотых полей.
Нива славная хлебородная.
Как же нам не любить тебя,
Раскрасавица да кормилица.

Ах, ты степь моя, моя матушка!
Степь родимая Оренбургская
Степь былинная, степь обильная,
Степь раздольная, воля вольная.

ЖУРАВЛИ НАД ИСТРОЙ

На заре берёзы, будто свечи,
Листья золотоцветные зажгли.
Улетая, созывают вече,
Клича в поднебесье, журавли.

Как узнать: ликуют, иль рыдают
По тому, что ждёт их вдалеке.
Иль молитву чудную читают
На своём журавьем языке.

Отражает их круженье Истра,
И уносит взмахи крыл река.
А над нами нежно-серебристы
Перистые ткутся облака.

Покружат и, выстроившись клином,
Растворятся в небе, чтоб весной
Из далёких стран дорогой длинной
Воротиться, как всегда, домой.

Час придёт, и ты вослед за стаей...
Но не сможет отразить вода,
Как ты вознесёшься, улетая,
Чтоб не возвратиться никогда.

* * *

Страна устала кланяться,
В грудь кулаками бить.
Страна устала каяться,
О милости молить:

Чтоб в лондонах похлопали
За чаепитьем в пять
За то, что верно топали:
Не вкривь, не вкось, не вспять.

Мизинчик оттопыривши,
Чаёк глотая свой,
Упырики, упырищи
Кивают головой.

От счастья глазки узкие,
Улыбчив жабий рот:
Yes!!! Русский душит русского
И смертным боем бьёт.

Да, господа-товарищи,
Интер-национал!
Заморской я заварочки
Сверх меры похлебал.

Вы потчевали здорово
По части пить да есть...
И храмов понавзорвано,
Могил не перечеть.

Мы вас устали слушаться
И слать за ратью рать
За ваше, вечно «лучшее»
Покорно умирать.

Нам краше со смородиной,
С вишнёвым со листом...
Как издавна на родине,
Чаёчек заведём.

По-над речной излучиной,
На самой, на горе,
Набрав воды из ключика,
Заварим на костре.

За речкой песня слышится,
Мерцает костерок.
И так свободно дышится,
И Млечный путь высок.

ХЛЕБ В ДОМЕ

Дом остаётся домом, пока
Хлеб в нём пекут. Доколе мука
Сеется сквозь сито, воздух в себя вобрав.
Хмель гуляет в дрожжах, зная, что прав,
Миру являя неугомонный свой нрав.
Ах, как хмель духовит!
Буянит, вздыбиться норовит,
Чаёт в корчаге совокупиться с мукой
И ощутить, как хозяйка всевластной рукой
Станет пестовать тесто, а напестовавшись, потом
Корчагу укутает, словно дитя пред гуляньем,
платком

Знает хозяйюшка наперёд:
Тесто в урочное время взойдет.

А той порою, заводит дерзкую речь.
Одержимая вождедением самодержица-печь:
Де, мол, готова я в раскалённом лоне зачать
Дитя. Пламя вцепилось в дрова, дабы начать
Языками красными облизывать кирпичи.
И уж тогда, кирпичи, кричи — не кричи,
Вам предстоит напитаться благодатным огнём.
Силой живительной, что скрывается в нём:
Солнцем, током соков земных, что струят
По жилам древесным, совершая сакральный обряд
В честь жизни и смерти во имя жизни в огне.

Солнце взошло. Сквозь проталину в мёрзлом окне
Проникает в жилище, пытаюсь понять:
Не пора ли уже начинать?
И готова ли для зачатия изба?
А тесто волнуется: не перекисли б хлеба!
Нет! Всё вовремя. Господи, благослови!
Хлеб — это тоже любовь.

Ничего на земле без любви
Не создать, из глубин из земных не извлечь.
Хлебы с любовью принимает самодержица-печь,
И царственным их обовьёт теплом.
И духом печёного хлеба наполняется дом,
И Пресвятая Богородица сына прижимает к груди
На иконе в Красном углу, зная, что впереди
Хлеб Насущный будет нам дан
По нашим чаяниям и словам
Молитвы, которую не забудем мы произнести
Прежде, чем под образами усядемся есть.
А хлебы? Вот они, горды хрусткою, золотой
Корочкой, сердцевиною пропеченной, живой,
Ноздреватой, духмяной, завораживающей наповал
Того, кто за трапезой их преломлял.

* * *

Нам с тобою много и не надо:
Хлеб да соль, да два ковша воды.
Во степи есть тихая левада.
И родник. И никакой беды.

Никакой сумятицы никчёмной —
Здесь и листья у осин тихи.
Только слышно, как ликуют пчёлы
И гудут пчелиные стихи.

Лёт в траву, уставши, жаркий ветер —
Дальний гость с бухарской стороны...
Есть ли что дороже в целом свете
Богом данной этой тишины?

БЛАГОВЕСТ

Москва уже месила жижу.
У Трёх Вокзалов всё черно.
Но поезд шёл. Всё ближе, ближе
Снег подступал к путям. В окно
Вагонное мы не глядели.
Ты отвечала невпопад.
Февраль. Неистовство метели
Выбеливало всё подряд:
Платформы, крыши дач забитых
Мелькающие фонари.
— Как будто саваном укрыто, —
Сказала тихо. — Посмотри...

Мы думали о расставанье:
Обидам подводили счёт,
Утрате яростных желаний.
Как бы играя: чёт — нечёт
В трясучей электричке ранней
Под жесткий перестук колёс,
Локомотива завыванье —
Так воеет в живодёрне пёс.
А в тамбуре дедок премудрый
Смолил злодейский самосад...
Вот поезд встал. Суббота. Утро.
С прибытием! Сергиев Посад.

Вдоль улицы деревья в белом,
Как будто в свадебной фате.
Перед венчанием, несмелы...
А в поднебесной высоте,

В просторе вечном и привольном,
Где белых ангелов крыла,
Взмывая с лаврской колокольни,
Запели встречу колокола.
И солнце в небе заблестало,
Свинцовых туч прорезав ряд.
Ты улыбнулась, как бывало:
Сказала: — Это нам звонят!
Всё покрывал тот звон парящий,
Врачуя души нам с тобой,
Снег свежий, искрящий, слепящий,
И Лавры купол золотой.

РОДИНА

Там, где реки текли молочные,
Где кисельные берега,
Сроки счастья давно просрочены,
Всё растрчено, раскурочено.
А на небе, как бесы включенные,
Заполошные облака.

Здесь дожди невпопад случаются —
От того ль недород-перерод?
Под гармонику дурью мается
Разухабистый наш народ.
Эта ль Родиной называется?
И о ней ли душа печалится:
То заплачет, то запоёт?

Всё о ней, всё о ней, родименькой.
Что простёрлась на полземли...
Слышишь: сани скрипят по зимнику.
Видишь: встали дымы вдали.
И хотя заворуи роются.
Ищут золото во дерьме —
Пусть их... Радуйся: храмы строятся,
Да для песен слова находятся,
Да зародыш живой в зерне.

Значит, хватит стонать да нюниться:
Мол, беда ото всех сторон...
Срок настанет: росток проклюнется,
И пасхальный раздастся звон.

СЛАВЯНСКАЯ РЕЧЬ

Когда Тебя не сбережём.
Зачем нам сердце жечь?
Не спи: идёт на нас с мечом
Иного мира речь!

Когда Кирилл и брат его
В забвеньи пропадут.
Господь нас спросит: Для чего
Толкли вы речи тут?

Зачем невнятицею слов
Опутывали мир?
Зачем ослейший из ослов
Теперь у вас кумир?

Зачем вы мой Священный Дар
На праздность извели?
Толщъ ваших книг пожрёт пожар,
Все пропасти земли

Разверзнутся, что вас вовлечь
Смогла земная твердь
Когда свою родную речь
Вы обрекли на смерть.

* * *

У песни русской есть начало;
Она рождается, когда
О доски старого причала
Речная плещется вода.

Когда в причудливость созвучий
Река нечаянно вплела
И скрипы лодочных ключин,
И капли с лопасти весла.

И колокольный звон заречный,
И по-над берегом сады.
И тишину. И этот вечный
Ток убегаящей воды.

И если сможешь ты смиренно
Предстать пред этой красотой,
Услышишь боговдохновенный
Напев земли своей родной.

* * *

Суровая зима научит нас смиренью:
Под вечер вьюжится, но к середине дня,
Вослед ночной пурге свирепым дуновеньем
Мороз с небес сойдёт, живое леденя.

Когда такая стынь, ей-богу, не зазорно
Бежать, бежать стремглав, куда глаза глядят:
Туда, где кипарис, и где на небе чёрном
Чужие звёзды лаской нежной нас дарят.

Там море тёплое песчаный берег лижет
И снова отползёт, чуть-чуть смочив песок.
Там так тепло... Но мне милей и ближе
Морозный, ясный день и реденький лесок.

А по за лесом степь, где нет преграды стуже,
И ветер рваный, как бродяга пьяный, груб
И ты в карманы руки прячешь глубже, глубже.,
Потуже подпоясав старенький тулуп.

А ветер всё сильнее; Срывает с губ дыханье,
И вымораживает слёзы на щеке.
И нет уж сил, шагать. Заманчивей желанье:
Укрыться и прилечь в ближайшем сосняке.

Нет! Надо двигаться. Жилое недалече.
Там во печи дрова стреляют, запылав.
Осталась чуточку. А наступивший вечер
Звезду тебе явил, дорогу указав.

Шагай, шагай! И верь: Господь всегда с тобою.
Жить сможешь вопреки, сумеешь всё снести.
Пушай, мороз свиреп и встречный ветер воет,
Всё ближе ясный свет, всё ближе цель пути.

Но, вот закончен путь....

* * *

*Герою России
Александрю Прохоренко*

В жизни случается всякое; Выпадает денёк,
Когда благодаришь Создателя за то, что он уберёт.

Беду отвел от тебя, а тебя от беды
И ты ужасаешься, оценивши слоновьи её следы.

И радуешься до дрожи, до слабости
в сильных руках
Тому, что оставлен жить, и не повержен во прах.

Когда свет в очах твоих навек не померк
И осознаёшь: Господь тебя не отверг.

Но, случается и нечто высшее, чему имени нет,
Когда пред самим собою ты должен держать ответ.

Когда свою жизнь всего сильнее на свете любя,
Ты должен отдать, потому что
Смерть окружила тебя

И ты говоришь: «Сейчас я умру.
И деревня моя Городки
не разбудит уже никогда поутру

Меня петушьим пением
и духом свеженадоенного молока»...

Он включил рацию, и из невообразимого далека,

Считай, из Бессмертия, из неумолимого небытия
Скомандовал братьям: «Вызываю огонь на себя».

Есть русская деревушка в обрамлении
хлебных полей золотых.
Там тебя помнят, там голос твой не затих.

Там русские мальчики, словно молитву твердя,
За Тобой повторяют: «Вызываю огонь на себя».

2017

* * *

Не рыдайте... Чего разрыдались?
Рано слёзы горячие лить.
Так бывало; Останется малость,
Истончается тонкая нить,

Преисподняя — за поворотом,
Вот провалимся в тартарары...
Вдруг промолвит тихонечко кто-то:
— Ну, ребята, бери топоры.

Запоют сладкогласые пилы,
Пахнет стружкой, как будто вином.
И покажется заново милым
Дом, с глядящим на солнце окном.

Вот и печь истопили сегодня,
Самотканый ковёр на полу.
И, как прежде, Никола Угодник
На посту своём в Красном углу.

СОДЕРЖАНИЕ

Я О РОДИНЕ ПЛАЧУ.....	3
ГАРМАНОЧИКИ	5
ГДЕ.....	7
ПРИВОКЗАЛЬНАЯ МЕЛОДИЯ	8
ДИТЯ ВОЙНЫ.....	10
ДОСКА КОЛХОЗНОГО ПОЧЁТА.....	12
ДРОВА	15
ЗЕМЕЛЬНЫЕ ГОРОДА	19
ИЗГОЙ	23
НА СЫРТЕ	25
«Не монолит...»	26
«Мы жили у черты, у роковой...»	27
КИЕВ 13.03.14	28
«Опять они плетения плетут...»	29
РАЗГОВОР СО ВСТРЕЧНЫМ	30
У СТАРОГО ОКОПА	31
ЧИТАЯ ЕККЛЕСИАСТА	33
«Я жил во время оно...»	35
СКВОЗНЯКИ	36
«Мы Родину с тобою не корим...»	37
«Словно гроза среди ясного дня...»	38
«Что ты в голос клянёшь бездорожье?...»	39
РУСЬ	40
СТАРУХА	41

«Во предзимье на полях...»	43
«Мука крестьянского помола...»	44
«Нам чужая не пристала слава...»	46
ПОБИРУШКА	48
АХ, ТЫ СТЕПЬ МОЯ.....	49
ЖУРАВЛИ НАД ИСТРОЙ	50
«Страна устала кланяться...»	51
ХЛЕБ В ДОМЕ	53
«Нам с тобою много и не надо...»	55
БЛАГОВЕСТ	56
РОДИНА	58
СЛАВЯНСКАЯ РЕЧЬ	59
«У песни русской есть начало...»	60
«Суrowая зима научит нас смиренью...»	61
«В жизни случается всякое...»	63
«Не рыдайте...»	65

Литературно-художественное издание

Павел Рыков

Я о Родине плачу

Стихотворения

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет — Ирина Ракитина

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 250 экз.
Сдано в набор 28.02.2018
Подписано в печать ##.##.2018

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.

ПАВЕЛ РЫКОВ

Поэт, прозаик, драматург, публицист.

Родился в Москве в 1945 году.
Закончил Московский государственный
институт Культуры в 1969 г.

Режиссер, теледокументалист,
фотохудожник, преподаватель.
Живёт и работает в Оренбурге.

Москва
«Вест-Консалтинг»
2018

ISBN 978-5-91865-499-6

9 785918 654996